

Этничность в современном обществе.

Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации

Л.М. ДРОБИЖЕВА

Демонтаж почти всех колониальных образований, признание западным сообществом проблемы меньшинств как проблемы этнокультурного многообразия мира, как проблемы социальной дискриминации и определения статуса недоминирующих народов, конституционные реформы во многих государствах, проведённые с учётом этнокультурного фактора, движения за права аборигенных народов и, наконец, создание международной Организации непредставленных народов и наций давало основания называть XX век веком меньшинств.

К сожалению, далеко не все созданные в результате национальных движений государства обеспечивают права и достойную жизнь своим меньшинствам. Многим из них не всегда под силу обеспечить самостоятельное стабильное развитие и безопасность граждан. Некоторые могут существовать только при поддержке других государств, что далеко не всегда находит понимание среди их налогоплательщиков.

В условиях всё новых этнических вызовов среди учёных и политиков дискутируются проекты оптимального государственного устройства: создания его на основе культурно-однородного согражданства, а значит допущения во имя этого изменения территориальных границ или, наоборот, укрепления полиэтничных государств за счёт улучшения системы управления и совершенствования культурной политики. Это те споры, которые ведутся и у нас в связи с распадом СССР и взрывами этничности в России и в других странах с сепаратистскими движениями. Хотя в России и существует Концепция Государственной национальной политики, она и не артикулирована настолько, чтобы стать общеизвестной, и не составляет стройной системы, положенной в основу практических действий. Обоснованию этого положения на примере Татарстана, Башкортостана и Якутии-Саха посвящена данная статья.

Останутся ли этнические проблемы актуальными в XXI в.

XX век был веком не только сбывшихся надежд, но жертв и тревог. Сепаратистские движения в насильственной форме жестоко подавлялись. Либеральные де-

мократии Запада, также как и другие страны, столкнулись с эскалацией насилия внутри государств. По подсчётам директора Института Мира в Осло Дена Смита две трети войн только за первую половину 1990-х годов были связаны с этническими конфликтами. Три четверти их жертв - мирное население [*Smith, Sandberg, Baev, Hauge*, p. 13].

Учёные - приверженцы гуманистической психологии, обобщая социальные практики, говорят о потребностях людей в удовлетворении не только физиологических потребностей, потребности в выживании, безопасности, но и в позитивной идентичности, в уважении, самоактуализации. По концепции А. Маслоу эти потребности имеют «пирамидальную» структуру [*Maslow*]. Джон Дэвис писал о потребностях, «которые побуждают людей стремиться к равенству, достоинству и власти» [*Davies*, p. 416, 417].

На основе таких подходов ряд исследователей под руководством американского политолога Теда Гурра обработали громадный массив информации и выявили 233 группы меньшинств в мире, которые они определили как «группы в состоянии риска» [*Gurr*].

Однако другие этнологи, в частности, В.А. Тишков, считают выделение этих групп условным, что могут быть выделены и другие группы, не включённые Гурром только на основе того, что они не осознают проблемы, хотя, может быть, переживают и более серьёзные ситуации, «или же эти проблемы есть часть общих проблем остального населения государства». Но, пожалуй, главное, на что обращают внимание критики тех, кто разделяет опасения меньшинств (сторонников понимающей, гуманистической социологии), - это то, что потребности у групп большинства аналогичны тем, которые заявляются от имени меньшинств. И делается предположение, что наступивший XXI в. будет временем реакции групп большинства на «проекты от имени меньшинств» [*Тишков*, 1994]. Но так или иначе этничность, во всяком случае, в ближайшей перспективе вряд ли даст возможность забыть о себе. Публикации работ Э. Гилнера и Э. Хобсбаума [*Гилнер; Хобсбаум*] дали дополнительный стимул к научным дискуссиям. Политические преобразования, связанные с укреплением вертикали власти и обсуждением возможности демонтажа асимметричной федерации, так же как непрекращающиеся вооружённые столкновения в Чеченской республике, делали эти дискуссии не только научно, но и политически актуальными.

В мире насчитывается до 5 тыс. народов и немногим более 200 государств. И хотя число государств растёт, иметь их могут не все народы. Большинство государств остаётся полиэтническими, и в мировой практике такими считаются все государства, имеющие более 5 % иноэтничного населения. (Это Венгрия, Ирландия, Португалия, Албания, Армения, Мальта, Йемен, Сомали, Барбадос, Ямайка, хотя за границей живёт каждый второй ирландец, албанец, армянин, каждый третий мальтиец, йеменец, ямаец, каждый четвёртый венгр, португалец, сомалиец, барбадосец.)

Россия стала более этнически однородной в сравнении с СССР, где русские составляли 51 % населения, но и сегодня остаётся поликультурным государством. И попытки некоторых политиков представить нашу страну как моноэтническую не имеют оснований. 17 % российских граждан - не русские. Среди них есть народы численностью более миллиона - татары (свыше 5 млн), чуваша, башкиры, мордва, большие диаспорные группы украинцев (около 4 млн), белорусов (более 1 млн) и народы, насчитывающие всего несколько сот человек (орочи, энцы и др.). Если мы можем и хотим сохранить Россию как целостное полиэтническое

Этничность в современном обществе...

государство, нужна политика, позволяющая согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств.

Эволюция концептуальных подходов

Мировой опыт знает по сути две модели этнической политики - ассимиляторскую и мультикультурную - от естественной, мягкой аккультурации до свободной конкуренции. Полностью ассимиляторская модель редко где удаётся. Достаточно вспомнить, как в США переходили от декларирования политики «плавильного котла» к определению её как «салат» и затем «винегрет».

В связи с реальной ситуацией учёными обсуждаются перспективы этнокультурной и государственной идентичности как основы для социальных коалиций. В одних ситуациях они представляются конкурирующими. Так, в период этнополитического кризиса начала 1990-х годов государственный советник по политическим вопросам при президенте Татарстана Р.С. Хакимов писал: «Мировое общество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов» [Хакимов, с. 71]. В более спокойной обстановке этническая и государственная идентичность существуют как взаимодополняющие: ты можешь себя чувствовать русским и россиянином, татариним и россиянином. Двойная, тройная и более идентичность в современном мире - частое явление. Так, более 40 % русских в Татарстане и Башкортостане чувствуют себя в равной мере и россиянами и татарстанцами, башкортостанцами, а более 30 % татар и башкир - и теми и другими или даже больше россиянами*.

Насколько удаются проекты мобилизации в обществе этнической или государственной идентичности зависит, естественно, от многих обстоятельств: социальной, экономической и политической обстановки в стране, шлейфа исторических традиций, уровня фрустраций. Но с точки зрения деятельностного подхода важно, из каких представлений об этничности исходят социальные акторы. Поэтому неудивительно, что в период демонтажа колониального мира, роста этнического сепаратизма во многих странах идут дискуссии вокруг примордиалистской и конструктивистской концепций в понимании этничности. Шли они и в нашей стране. Примордиалистская концепция была наиболее распространённой. В ней выделяется два подхода: социально-исторический и биосоциальный. Так, до сих пор вызывает интерес (причём не у гуманитариев, как можно судить по вопросам во время общественных обсуждений этнических проблем) биосоциальная теория Л.Н. Гумилёва об этносе как явлении географическом, части биосферы Земли, о связи этноса с энергией космического излучения, способствующего появлению у части людей повышенной тяги к действию - пассионарности. Такие люди, по Гумилёву, объединяясь на основе единых стереотипов поведения и общности самосознания, и образуют этнос. Растратив энергию, полученную в момент пассионарного толчка, этнос переходит к равновесному состоянию или распадается на части.

---

* Результаты опросов по Проекту «Социально-экономическая дифференциация этнических групп и проблемы интеграции в России» в 1999 г. (рук. проекта Л.М. Дробижева). Выборочная совокупность в Татарстане 1000 чел., в Башкортостане - 1317 чел.

За рубежом биосоциальный подход к объяснению этноса представлен, прежде всего, наиболее известным его интерпретатором Пьером ван ден Берге, который понимает этничность как предрасположенность человека к родственному отбору. Родственный отбор и родственные связи играют решающую роль в феномене этничности, согласно этой концепции.

Но в самом примордиализме все же доминировали социально-исторические или культурно-психологические подходы, сторонники которого понимают этничность как явление социальное, устойчивое, присущее всем историческим эпохам. К примордиалистам относят советского историка-этнолога Ю.В. Бромлея, которого сравнивают с Э. Смитом. Они понимали этнос как *устойчивую* форму групповой интеграции, обладающую присущими ей культурными характеристиками и самосознанием.

Эта концепция также как и марксистское (по сути тоже примордиалистское) представление о нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, обладающей единством экономической жизни, культуры и психологического склада, успешно использовалась в период этнического ренессанса конца 1980-х - начала 1990-х годов. Но похоже именно в связи с этим стали активно стимулировать другие подходы - понимания этничности как символического и социального капитала, который может использоваться для мобилизации в разных целях, в том числе для достижения гедонистических устремлений, в борьбе за контроль над ресурсами, собственностью и т. п.

За рубежом такой инструментальный подход к этничности больше был характерен для этнополитиков (П. Брасс [*Brass*], Дж. Ротшильд), которые акцентировали внимание на лидерах - «этнических предпринимателях», наживших политический капитал, используя межэтнические противоречия, этнические чувства. У нас в России об этом писали В.А. Тишков, М.Н. Губогло [*Тишков, 1992, с. 35, 36; Губогло*].

Но наибольшее внимание в интерпретации этничности привлёк, конечно, конструктивизм. Не только потому, что это общая парадигма современных социальных наук. Этнос с точки зрения конструктивизма - не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, *разделяющих представления* о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Эти представления - результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности.

Если таково представление в обществе о народах - этносах, то задачей политиков, идеологов - социальных акторов остаётся сформулировать необходимые представления, а ненужные демонтировать. *Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определённой ситуацией.*

Конечно, такой подход задевает этнические чувства людей. Отвечая на конструктивистский проект В.А. Тишкова в понимании этноса и идею приближения государственного устройства РФ к модели США, Р.Г. Абдулатипов - тогда заместитель Председателя Совета Федерации - писал в апреле 1994 г. в письме на имя Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина: «Народы угадывают скрытую логику подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тыва, Калмыкия и не нужны чеченцы, чуваша, тувинцы, калмыки» [*Абдулатипов, с. 232-233*].

Обращение Р.Г. Абдулатипова было результатом не только эмоционального всплеска, но и реакцией, связанной со сломом традиционных представлений у самой элиты. Ведь в прожитые советские годы декларировались гуманитарные

Этничность в современном обществе...

принципы «национальной политики», хотя на поверку в ней преобладал, конечно, инструментальный подход.

Конструктивистский подход не означает отрицания реальности существования народов. Если люди разделяют представления о существовании такой общности как народ, национальность, то это есть реальность, которая имеет свои последствия.

Определяя инновационную способность акторов вести себя в соответствии с позицией в социальном пространстве, задаётся вопросом: как они через ментальные структуры воспринимают это пространство? Ведь их действия зависят как от их личных качеств, так и от понимания ситуации. А в этом понимании они следуют «логике социальной практики». Таким образом, есть основания определять этнополитику как *ответы на практику схожих ситуаций этнонациональных взаимодействий, в том числе через создание новых идеологических и политических проектов.*

Поиски политической стратегии в этнонациональной сфере

В мире есть три документа, которые закрепляют права человека - «Всеобщая декларация прав и свобод человека ООН», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», принятые в 1966 г. В них есть положения о том, что, «все народы имеют право на самоопределение; все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава Организации объединённых наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право.» На эти положения, нашедшие закрепление в Уставе ООН, ссылаются практически все идеологи, защищающие права народов.

Определённые политики из центра не раз говорили, что принцип национального самоопределения как доктрина этнического национализма устарел. Ссылаются на авторитет известного американского конфликтолога Д. Горовица, который пишет, что «национальное самоопределение - это проблема, а не решение... Есть много доводов против акцента на национальное самоопределение и за принятие концепций взаимного компромисса» [Тишков, 1995, с. 16].

Есть и другие международные документы, которые говорят о расширении прав человека за счёт дополнительных прав этнических групп, меньшинств с целью достижения эры демократии, мира и единства». Это - Парижская хартия всей Европы от 21 октября 1990 г., европейская «Декларация о хартии народов и регионов», принятая в Карлсруэ в 1996 г. и др. [Charta, p. 77-78].

Конституция России 1993 г. не могла пройти мимо этих международных документов. Но принималась она, когда её создатели в Центре находились под непосредственным впечатлением от национальных движений, распада Союза, сепаратизма в Чечне, принятия деклараций о суверенитете в республиках России. Имел тогда значение и сыгравший свою роль субъективный фактор. Руководители республик не поддержали Президента Б.Н. Ельцина в намерении принять кон-

ституцию через Конституционное совещание (летом 1993 г.), минуя парламент. В результате торг не состоялся, и тогда термины «суверенные», «национальные» применительно к республикам и право их выхода из Федерации (оно было по Конституции СССР) из Конституции Российской Федерации были сняты. Однако положение о праве на самоопределение народов снять в силу международных документов было нельзя, и ст. 5 декларирует его. Компромиссным было и определение республик, в скобках они названы государствами - «Республики (государства) имеют право...» (ст. 5). Компромисс был достигнут, но впоследствии юристы и политики федерального центра и республик интерпретировали его по-разному. Первые считают суверенной только Российскую Федерацию, а вторые - что имеет место разделённый суверенитет, так как республики названы в скобках государствами, а государство не может быть без суверенитета. СМ. Шахрай не так давно назвал такой суверенитет распределённым [*Шахрай*]. По Конституции гарантируются и права человека, и есть положения, касающиеся прав народов - право на «сохранение родного языка», права малочисленных народов (ст. 68, 69). Суверенитет РФ провозглашён от имени многонационального народа (ст. 3).

«Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26). «Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства» (ст. 29).

Таким образом, Конституцией закрепляется мультиэтническая модель российского общества.

Принципиальное значение для институционального пространства имело принятие Закона РФ «О национально-культурной автономии» и «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (1996 г.). Принятие их означало признание, что: 1) в поле национальной политики попадают все народы, в том числе не имеющие своих административных образований, и 2) возможность «разгосударственного» самоопределения народов. Создание этнокультурных общественных объединений, центров, автономий (НКА) расширяло пространство формирования гражданского общества.

В России создана как общественное движение Ассамблея народов России с устремлением компенсировать отсутствие в парламенте палаты национальностей, бывшей в Совете Федерации до 1993 г. НКА и Ассамблея проводят свои съезды, участвуют в обсуждении готовящихся законов в сфере этнополитики.

Идёт подготовка Закона «Об уполномоченном Федеральном собрании РФ по правам народов Российской Федерации». В мире существует около 100 институтов омбудсмена, которые редко включают проблемы защиты интересов народа, чаще речь идёт о защите меньшинств. На основе социальных практик в России делается попытка создать правовые технологии мирного урегулирования процессов самоопределения народов. Ведь трудно назвать осетин в Северной Осетии-Алании или кабардинцев в Кабардино-Балкарии меньшинствами, а интересы их должны учитываться. Россия не ФРГ, где действительно речь может идти о защите меньшинств, например, турок, сербов и др.

Готовится также закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». Этносоциологи участвуют в подготовке законов, опираясь на результаты изучения социальных и этнических проблем, обобщения опыта мировой практики.

Этничность в современном обществе...

В имеющемся правовом поле принципы государственной этнонациональной политики звучат следующим образом:

- сохранение государственной целостности и федеративного устройства России (вспомним, как говорил С. Шахрай при утверждении его в должности Министра по делам национальностей в Совете Федерации в начале 1993 г.: «Россия может быть красной, белой или зелёной, но она должна быть единой»);
- обеспечение равенства прав граждан и народов РФ на этнонациональное развитие;
- свободное определение каждым гражданином своей национальной принадлежности;
- наказания за разжигание межнациональной вражды, оскорбления чести и достоинства по национальному признаку;
- соответствие законов и иных нормативных правовых актов в сфере этнонациональной политики общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ;
- взаимодействия органов государственной власти всех уровней с общественными этнокультурными объединениями, НКА.

Целями этнонациональной политики являются совершенствование государственных структур для реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов Федерации; обеспечение межнационального согласия, уважения к традициям народов, «любви к родному краю, к России»; обеспечение условий для социально-экономического и культурного развития народов и их взаимодействия; предотвращение и мирное разрешение межэтнических конфликтов.

Перед каждым мультикультурным сообществом в условиях перехода к демократии стоит непростой вопрос - как представить интересы этнических групп в политическом пространстве. Демократы реализуют мажоритарную систему: один человек - один голос. Но тогда представительные органы власти никогда не смогут учитывать интересы меньшинств. Начинаются конфликты, сепаратизм, которые, чаще всего, преодолеваются отнюдь не демократическими способами.

Есть ученые, которые вообще считают, что «этнически плюральные общества не создают питательную среду для демократии» (например, А.Рябушка и К. Шепсли [*Rabushka, Shepsle*, p. 186]). Но реально большинство государств, считающихся демократиями, - полиэтничны и нашли способы ответить на вызовы меньшинств. Тимоти Сиск предлагает, в частности, интегральный способ, предусматривающий рассредоточение властных полномочий, создание предвыборных коалиций между этническими общинами, полиэтнических партий, основанных на интересах, выходящих «за границы этнической принадлежности», стимулирование межэтнического сотрудничества [*Сиск*, с. 57]. Пример подобной политики демонстрируют США назначениями на ключевые посты М. Олбрайт при Б. Клинтоне, К. Пауэлла и К. Райс - при Дж. Буше-младшем. В офисах культурных общин в США можно увидеть фотографии встреч лидеров общин с президентами США, и при этом вам объяснят, что не сами лидеры просят об общении, а президенты стимулируют эти встречи: «ведь мы - избиратели».

Другой подход к проблеме участия во власти в таких обществах - консоциональная демократия (*consociational*). Как правило, по мысли автора данного подхода А. Лейпхарта, работа которого «Демократия в многосоставных обществах» переведена в России, этот способ используют в расколотых обществах, где межэт-

нические противоречия зашли уже глубоко, и специальные процедуры снятия противоречий сводятся к созданию коалиционных правительств с участием партий, представляющих основные сегменты общества*; максимальной автономии в решении внутренних вопросов в делах каждой из групп; взаимному праву вето или квалифицированному большинству при принятии важных решений, касающихся общностей, которое позволяет системе действовать при высоком уровне взаимного недоверия. А. Лейпхарт считает, что эта модель была обобщением политического опыта Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, Австрии [*Лейпхарт*, с. 36], но применима и в других государствах, в том числе «третьего мира». Решающую роль в достижении соглашений по данной модели играют элиты, причем лидеры должны быть относительно свободны от давления масс, иметь свободу маневра.

Критики Лейпхарта обращали внимание на неудачу использования социальной инженерии в Северной Ирландии, на Кипре, а также на то, что процедуры, предусмотренные данной моделью, будут поощрять организации на этнической основе, закрепляя оформление различий. К тому же в каждой этнической группе на уровне граждан велико различие в стремлении к внутренней консолидации.

Тем не менее, осознавая нежелательные стороны консоциональной демократии, к ней все же приходится прибегать, если иного способа представительства интересов противостоящих групп найти нельзя. Пример Дагестана, где конфликт сглаживался за счет распределения постов высшей власти между основными этническими группами республики, достаточно очевидно свидетельствовал, что это не самый лучший способ решения проблемы участия во власти (ведь какие-то общины были этого участия лишены, например, ногайцы и др.), но все же позволяющий избежать кровопролития и сецессии.

Предлагая российскому правительству внедрить полезные элементы из обсуждаемой системы, мы считали, что важно ввести в правительство символичные фигуры, на телевидении и радио надо систематически вести передачи о жизни народов, республик, возможно, какое-то время на их родном языке, включить в число дикторов людей разного антропологического облика.

Хотя в России и существует Концепция Государственной национальной политики, она не артикулирована настолько, чтобы стать общеизвестной, и не составляет стройной системы, положенной в основу практических действий. Это давало основания время от времени заявлять политикам то из центра, то из регионов, что такой политики нет. Тем не менее, в соответствии с социальными практиками, в разные периоды в этнополитике доминировали разные тенденции.

В 1991-1993 гг. в России еще сохранилась угроза сецессии, унаследованная от СССР, и этнонациональные движения. Митинги в Татарстане собирали от 3 до 50 тысяч, Чеченская республика декларировала независимость, Саха (Якутия), Татарстан, Башкортостан приняли Конституции, закрепившие приоритетное право республик на распоряжение ресурсами и приоритет республиканских законов, а Тува, к тому же еще, - право выхода из состава Федерации. Этот период был временем, которое в республиках называли «национальным возрождением». Центр в то время проводил политику уступок и консенсусных мер, обеспечивающих сохранение целостности страны: подписание Федеративного договора

---

* Количество представителей не обязательно должно соответствовать численности групп, главное, чтобы были согласованы квоты, т. е. допускается передача полномочий.

Этничность в современном обществе...

1992 г., включение значительной части его в Конституцию РФ 1993 г. Этот период завершился подписанием консенсусного Договора между правительством РФ и правительством Татарстана*.

С того времени опасность сецессии для России, кроме территории Чечни, не грозила, сепаратизм пошел на убыль. В 1994-1999 гг. этнонациональная политика реально стала стохастической, она приобретала характер колебательных мер от силовых акций в период военных действий в Чеченской республике до стремления продолжать политику мультиэтничности через сохранение поликультурного пространства и асимметричности федеративного устройства страны. Эти колебания прослеживались и в административных назначениях на пост министра, который должен был заниматься национальной политикой, и в названиях самого министерства. В период ориентации на силовые структуры перед началом войны в Чечне на пост министра был назначен не имеющий никакого отношения к национальным проблемам краснодарский губернатор Егоров, сменивший на этом посту СМ. Шахрая. В 1998 г., когда был взят курс на смену этнонациональной политики региональной, министром был назначен также не имевший ранее отношения к этнонациональной проблематике бывший спикер парламента Пермской области Е.С. Сапиро. Он сменил специалиста - доктора исторических наук В. А. Михайлова, а Министерство по делам национальностей и федеративных отношений было переименовано в Министерство региональной и национальной политики.

Действия министра, ориентированные на то, чтобы свести этнонациональные проблемы к местному самоуправлению и бюджетному федерализму, вызвали критику, в результате чего произошла новая замена министра - теперь на знаковую фигуру среди «националов» - Р.Г. Абдулатипова. Однако подготовка к усилению централизаторской политики и началу второй волны военных действий в Чеченской республике привели к новой замене министра: Р.Г. Абдулатипова сменил бывший посол России в Азербайджане Блохин. Однако реальную политику федерального центра, прежде всего по укреплению вертикали власти, теперь осуществляют полномочные представители Президента в 7 федеральных округах. Очевиднее всего это проявляется в кадровых назначениях, хотя и касаются они, как правило, федеральных учреждений, а не тех, что находятся в ведении республик.

Этничность в социальной жизни народов: результаты массовых исследований

Политическая практика - лишь одна из сфер жизни национальностей. Две другие - социальные и социально-культурные практики в 1990-е годы претерпевали также существенную трансформацию. Это области непосредственного интереса социологов, и об изменениях в них можно судить по результатам специально проведенных исследований. Мы имеем возможность использовать результаты трех исследований, проведенных в республиках с наиболее сложной этнополитической ситуацией (исключив из рассмотрения Чеченскую республику как территорию с особыми обстоятельствами военных действий) - Татарстане, Башкортоста-

---

* Федеративный договор Татарстан не подписывал, референдум по принятию Конституции РФ на территории республики не состоялся.

не, Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании, Туве и двух областях - Оренбургской и Магаданской. Первое исследование - «Национальное самосознание этнических групп и проблемы интеграций в России» было проведено в 1993-1995 гг., второе - «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» - в 1996-1998 гг., третье - «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ» - в 1999-2000 гг. Выборка в первых двух исследованиях составила 1 000 респондентов в каждом из субъектов федерации, в третьем в Саха (Якутии) 1 050 чел., в Татарстане - 1 000 чел., в Башкортостане - 1 317 чел., в Оренбуржье - 1 160 чел.*.

Представим ряд выводов из этих исследований.

Этничность стала для народов, дающих название республикам, реальным дополнительным социальным ресурсом. Среди татар, якутов, башкир в республиках больше людей, которые считают, что их «положение на работе за последние пять лет улучшилось» и меньше, чем среди русских, ощущающих, что их «положение ухудшилось». Они реже, чем русские, сталкивались с уменьшением зарплаты или часов работы не по собственному желанию, вынужденным уходом в неоплачиваемый отпуск - Саха (Якутия), Татарстан.

При том, что титульные национальности и русские в республиках примерно одинаково (в сходных условиях города и села) оценивали свое материальное положение, среди татар, якутов и башкир выше доля тех, кто отвечает «все не так плохо и можно жить», и меньше считающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», выше доля людей, относящих себя к условно называемому среднему классу (серединные слои в определении Т.Н. Заславской). В сходных условиях города и села татары, якуты, башкиры чаще, чем русские, считали, что «их собственная жизнь становится лучше» или « в чем-то лучше, в чем-то хуже» и реже, что «становится хуже».

Интересно, что среди русских и титульных национальностей практически одинакова доля тех, кому «уверенность в завтрашнем дне» дает «собственность, капитал», «способность заработать, профессия», но ответ «мой собственный оптимизм» у последних встречается чаще.

Социальное самочувствие национальностей, дающих название республикам, лучше не только в силу изменившегося положения республик. В исследование были включены области с доминирующим русским населением и практически столь же ресурсные, как сравниваемые республики - Оренбургская обл., соседствующая с Башкортостаном и Татарстаном, и Магаданская, соседствующая с Саха (Якутией). И исследование показало, что татары и в Оренбургской области и в Башкортостане (где они не являются «титульной» национальностью) лучше переносят трудности трансформационного времени, оптимистичнее оценивают жизнь, в то время как русские критично оценивают жизнь вне зависимости от региона опроса, а доля отнесших себя к низшему слою здесь даже выше, так же как и тех, кто заявил, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (до 40 % в областях и 20-33 % в республиках).

Анализ оценок осуществлялся в разрезе город - село, ибо легко было предположить, что русских больше живет в городах, а у городских и образованных слоев населения всегда запросы выше, и это может влиять на оценки и самочув-

---

* Выборка для репрезентативных опросов была разработана М.С. Косолаповым, по Башкортостану - Е.М. Козыренко.

Этничность в современном обществе...

ствие групп. Поэтому данные везде приведены с учетом мнений городских и сельских жителей. Что касается образовательного уровня, то в Татарстане в городах у русских и татар он сейчас практически выровнен, а у горожан в Саха (Якутии) доля специалистов с высшим образованием среди якутов даже выше, чем у русских.

Все это дает основание считать, что более оптимистические оценки у титульных национальностей связаны с общим социальным самочувствием, с их изменившимся статусом в условиях либерализации.

Новую ситуацию этнические группы ощущали через очевидные изменения во властном ресурсе. Если в советское время кадровые назначения в верхних этажах власти жестко регулировались Центром, то теперь открылись новые возможности, которыми титульные этносы сполна воспользовались.

В Госсовете Татарстана свыше 80 % составляют татары (по Всесоюзной переписи 1989 г. татары составляли в республике 48,5 %), преобладают якуты в Ил-Тумене Республики Саха (Якутия) (по оценке они составляют 37 % населения республики), в тувинском Хурале - свыше 80 % тувинцев (в составе населения их 64%). В Татарстане среди глав администраций в конце 1990-х годов из 52 человек 43 были татары, в Саха-Якутии 69 % министров - якуты. А доступ к власти в наше время дает и доступ к собственности.

Властный ресурс - это в значительной мере и символичный ресурс. Не случайно этнические чувства мобилизуются вокруг символических фигур. М. Шаймиев в глазах татар - лидер, с которым считаются, и не только в Татарстане («Он может защитить интересы Татарстана») в глазах русских он - тот, кто сможет не допустить татарского национал-экстремизма. М. Николаев был надеждой якутов, но русские предпочитали именно его, потому что у него были «русские корни».

Каждый раз общие нормы, которые закладываются в доктринальное политическое пространство в республиках и областях, сталкиваются с достаточно специфичной социальной ситуацией взаимодействия этнических общностей. В ходе нашего исследования были выявлены три модели взаимодействия русских и титульных народов в республиках: догоняющего развития, равностатусного взаимодействия и опережающего развития. Так, если рассматривать ситуацию с социально-профессиональным положением в республиках, то окажется, что первая модель проявляется на примере Башкортостана, где башкиры за последние 10 лет почти «догнали» русских и татар. Вторая модель работает в Татарстане, а третья - в Саха (Якутии).

Сравнивая результаты исследований 1997 г. в Северной Осетии (Алании), Туве в 1994-95 гг. с ситуацией в трех вышеописанных республиках, а также изучая материалы Всесоюзной переписи 1989 г., надо сказать, что далеко не во всех республиках четко прослеживаются названные три типа взаимодействия, и существуют некоторые переходные варианты. Так, в Северной Осетии (Алании) ситуация менялась от первой модели ко второй.

На межэтнические отношения к тому же влияют политические и экономические факторы в стране и в конкретных регионах. Экономические факторы влияют на межэтнические отношения, как минимум по двум основным каналам. Прежде всего, в условиях депривации, в том числе относительной, работает известная в социологии модель «козла отпущения». Начинают искать виновных и ими, как правило, оказываются «другие», причем не только «лица кавказской национальности», но и взаимодействующие этнические группы.

Таблица 1. Некоторые социально-культурные характеристики этнических групп. Городское население (в % от ответивших)

	Башкортостан			Татарстан		Якутия	
	башкиры	русские	татары	татары	русские	якуты	русские
Доля специалистов высокой квалификации, руководителей высшего и среднего звена, представителей крупного и среднего бизнеса	32	30	35	29	24	49	20
Соотношение доли людей с высшим образованием и доли специалистов и руководителей высшего звена	114	89	101	109	102	122	112
Доля перешедших из низших страт в высшую	14	10	18	17	11	19	11

Кроме того, обостряется ситуация за счет возрастания значимости «социальных ниш» в этнокультурном разделении труда. Например, в Саха (Якутии) в промышленности русских занято почти вдвое больше, чем якутов, а в образовании, здравоохранении, культуре, управлении, - наоборот, якутов вдвое больше, чем русских*.

По концепции «культурного разделения труда» М. Хехтера классовые и этнические факторы взаимно усиливают конфликтность [*Hechter, Levi*]. И действительно, когда русские, работая в добывающей промышленности, в Советском Союзе получали высокие ставки и жили лучше, это далеко не всегда воспринималось как справедливое вознаграждение якутами, а теперь, когда условия труда и жизни русских ухудшились, а многие добывающие поселки просто прекратили существование, они (русские) воспринимают свое положение как несправедливое и возлагают ответственность не только на свое руководство, но и на якутов, занятых в высших эшелонах управления.

Однако, заметим также, что общие концептуальные схемы в том числе и «культурного разделения труда» далеко не всегда отражают все своеобразие ситуаций. В полевых обследованиях неоднократно приходилось сталкиваться с наложением разных, иногда ровно противоположных ситуаций. На конкретных предприятиях отношения между людьми разных национальностей вполне благоприятные, но межэтнические отношения в целом русские в середине 1990-х годов оценивали ниже.

В конце 1990-х годов ситуация изменилась. Русские в Саха (Якутии) и Татарстане даже чаще, чем якуты и татары видели изменения в межнациональных отношениях в последние два года в лучшую сторону и реже представляли их как ухудшающиеся. А ущемление своих прав из-за национальности ощущали не более 10 % в Татарстане, Башкортостане и не более 18 % в Саха (Якутии). Причем, оценки русских, татар, башкир и якутов практически не отличались.

В печати и политических дискуссиях у нас нередко излишне драматизируют состояние межнациональных отношений в стране. Они, конечно, предельно конфликтны в Чечне, Ингушетии, достаточно напряженные в Дагестане, Северной Осетии (Алании), тревожные в Туве (в значительной мере из-за высокой безработицы), но они сложнее в больших мегаполисах с высоким притоком мигрантов. Переносить уровень напряженности с конкретных регионов на всю страну оши-

* Рассчитано Л.В. Остапенко по Материалам Всесоюзной Переписи населения 1989 г..

Этничность в современном обществе...

бочно и даже вредно. Вредно не только потому, что это задевает чувства нерусских, живущих в нашей стране, но и потому, что стимулирует негативную составляющую консолидации русских. Мы фиксировали ее в республиках. От 1994 г. к 1999 г. вдвое выросла доля русских, считающих, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» (около 30 %), высока доля тех, кто видит в «кавказцах» образ врага.

***

Существующие социальные практики настолько разнообразны, что надеяться на все решающую «выработанную этнополитику» было бы просто наивным. Мультикультурная политика не только в странах, стремящихся к демократии, но и в давно действующих демократиях не способна раз и навсегда решить этнонациональные проблемы. Этнополитика является эффективной, если она гибкая, оперативно отвечает на вызовы практик, если законы действуют и их используют в случае нарушения прав человека и группы. И даже в такой ситуации нельзя забывать о психологических факторах - обеспечивать доверие к власти как гаранту согласованных решений, воспринимаемых как справедливые.

Литература

- Абдулатипов Р.* Россия на пороге XXI в.: Состояние и перспективы федеративного устройства. М. 1996.
- Гилнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Губогло М.Н.* Мобилизованный лингвизм. М, 1993.
- Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М, 1997.
- Сиск Т.* Распределение власти в полиэтнических государствах: принципиальные подходы и используемые практики // Доклад на международном семинаре «Предотвращение смертоносных конфликтов; стратегии и институты. М, 1996.
- Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Ч. I. М., 1992.
- Тишков В.А.* Политическая антропология. М., 1994.
- Тишков В.А.* Вступительная статья // Бюллетень № 4 Международного проекта «Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах». М., 1995.
- Хакимов Р.* Сумерки империи. Казань, 1993.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
- Шахрай СМ.* Федерализм по-казански // Независимая газета. 2001. 27 февраля.
- Bourdieu P.* In Other Words. Essays Towards a Reflexive Sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Brass P.* Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi, 1991.
- Charta Gentium et Regionum.* Munchen, 1996.
- Davies J.* Ch. Maslow and Theory of Political Development: Getting to Fundamentals // Political Psychology. 1999. Vol. 12#3.
- Gurr T.R.* Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993.
- Hechter M, Levi M.* The Comparative Analysis of Ethno-Regional Movements // Ethnic and Racial Studies. 1979. № 2.
- Maslow A.H.* Motivation and Personality. 1954.

Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Coiumbus, 1972.

Rotschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981.

Smith A.D., Sandberg K.I., Baev P., Hauge W. The State of War and Peace. L.: Penguin, 1997.